

В день рождения Алисы Фрейндлих

Сердце, рвущееся в зал

Существует ли феномен Алисы Фрейндлих? По всей видимости, существует. Ее появление в БДТ после дебюта критика начала расценивать не как новую главу в жизни актрисы, а как новую главу в жизни театра. О роли Ирины в спектакле «Киноповесть с одним антрактом» («Блондинка» А. Володина в постановке Г. Товстоногова) спорят — бесспорно принимают саму Алису Фрейндлих, с ее поразительной энергией (она практически не покидает сцену на протяжении всего спектакля), способностью сосредоточивать на себе все действие, вопреки даже логике обстоятельств оставаться непобедимой, что бы ни сулил финал.

Об Алисе Бруновне уже много сказано, что трудно не повторяться или не ссылаться на известные мнения и оценки. Все будто бы называемо в приемах ее мастерства: живой темперамент, повышенная эмоциональность, сочетание глубокого лиризма с тонким юмором, отточенная графичность пластики и свободное владение голосом при особой музыкальности... Также называема и основная тема актрисы: разговор о Женщине, о мире ее чувств и проявлений с крайностями лукавых капризов и тайной жертвенности. Но где же здесь та Алиса Фрейндлих, которая каждый раз по-новому поражает, заставляет поражаться, обезоруживает самых предубежденных?

Ее нужно видеть, сидя в зале, перед сценой, чтобы ощутить поток энергии, подхлестывающей мастерство. Все ее существо со-

средоточено на одном — завоевать зал, взять его в свои руки, подчинить чему-то, что привычно называют обаянием, но что по сути своей есть огромное волевое напряжение. В ней пульсирует постоянная готовность на поступок, которая может выразиться в самой неожиданной форме: от решимости взойти на костер до желания обжечь назло падец...

В героинях актрисы всегда есть отчетливая утвердительность. Ей по плечу диапазон от Екатерины Ивановны («Преступление и наказание») до Катарини («Укрощение строптивой») или Альдонсе («Дульсинея Тобоская»). В два с небольшим часа сценического времени она способна создать пять образов, среди которых два — полярные: королева Мария-Антуанетта и королева Мария Стюарт («Люди и страсти»). Главное для героинь Фрейндлих — быть, действовать, свершиться. Поэтому трижды мучительно существование ее Раневской («Вишневый сад»), вынужденно обреченной на бездействие. Кажется, ее Раневскую мучают, дают сами обволакивающие линии воздушных платьев, занавеси тюлей. В эпизоде импровизированного дачного бала, когда приходит известие о продаже сада, она начинает метаться по сцене, будто задыхаясь от этого бездействия...

В связи с «бытовыми» ролями современниц (Щеголева — «Человек со стороны», Ковалева — «Ковалева из провинции», Филаретова — «Спешите делать добро») много и справедливо говорится о

том, что актриса преодолевает в них быт, делает его прозрачным. Она не лишает узнаваемости сегодняшний тип героини — чуть потерянной, чуть ожесточившейся, прячущейся от одиночества за полезную деятельность женщины, — но наполняет его особыми ритмами духовного существования. Очень часто героини ее не претерпевают заметных эволюций. Эволюция совершается в зрителе. Важная реакция, которую актриса самым фактом своей личности вызывает в зале, — она будто раскрывает в каждом притупленный бытом творческий вкус к жизни.

В разговоре о Фрейндлих не может не зайти речь о музыке. Музыкальность пронизывает ее существо, как кровеносные сосуды. Когда она поет — это немножко больше, чем пение, но меньше, чем сама Алиса Фрейндлих. Хотя и здесь победы ее бесспорны (киномюзиклы «Мелодии Верийского квартала», «Д'Артаньян и три мушкетера», «Соломенная шляпка»).

Одно высказывание Алисы Фрейндлих поражает своей простотой и строгостью: «Мне кажется, что актер на сцене в любом случае может пользоваться только какими-то своими личными болями, независимо от их масштаба. Он должен уметь разбудить в себе ту болевую точку, которая соответствует болевой точке роли...». Может быть, все дело в том, что эта личная болевая точка у Алисы Бруновны проходит по оси, на которой пересекаются и наше личное, и всеобщее. Не утверждает ли она

что-то очень важное и в нас самих? Мы существуем в ритмах будней. Но музыка талантливо проживания жизни в нас живет каким-то непроявленным желанием начать все сначала. Иногда необходимо одно только каса-

ние — и мы ответно зазвучим. Главный дар актера — заражать своим мироощущением других, заставлять поверить в собственные возможности.

А. КРАВЦОВА.